

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И БРАКА В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.П. КАРСАВИНА

Т.А. СМЕТАНИНА

Любовь, брак и семья – это те ценности, которые в начале XX в. подвергаются коренной переоценке: с художественной точки зрения – в декадансе, с научной – в построениях фрейдизма, изысканиях этнографов и антропологов, с социальной – в марксизме и анархизме. Традиционная религиозная трактовка семейных ценностей перестала удовлетворять значительную часть образованной, светской, критически мыслящей интеллигенции. Воспитанная в духе европейского просвещения российская культурная элита оценивает реалии частной и общественной жизни сквозь призму новых либеральных ценностей: естественных и гражданских прав человека, равенства, и, главное, свободы личности.

Весьма неоднозначной и в то же время далеко не случайной на этом фоне выглядит фигура Льва Платоновича Карсавина. Талантливый и успешный историк, он выступает с философскими построениями, вызывающими недоверие как у ортодоксальных православных богословов, так и у светской публики. Любящий отец и муж, он переживает глубокий роман и возводит на уровень философской рефлексии проблемы телесности и чувственности, семьи, брака и любви. Свои рассуждения он облекает в художественно-поэтическую форму, где эротизм средневековой католической мистики переплетается с поэзией и философией Серебряного века.

В русской религиозно-философской традиции земная любовь так пристально интересовала, пожалуй, только В.В. Розанова. Но он апеллировал скорее к родовому началу. Тема трагизма личной судьбы и смерти, столь характерная для мироощущения начала века, ему чужда. По меткому замечанию Н.А. Бердяева, «личностного самосознания у Розанова почти нет, настолько нет, насколько может не быть у современного человека»¹. В Новом Завете В.В. Розанов усматривал и критиковал преимущественно аскетическую, «мертвящую» линию, противопоставляя ее ветхозаветному почитанию семейного начала. В этом же дуалистическом ключе «мир – аскеза» обсуждался христианский идеал и на Петербургских религиозно-философских собраниях 1901 – 1903 гг., а позднее – на заседаниях Религиозно-философского общества. С попытками освободить аскетическое христианство от «светской клеветы» выступали В.П. Свенцицкий, Н.А. Бердяев, звучали ссылки на В.С. Соловьева². Но в целом в умонастроениях русской интеллигенции росло убеждение, что на почве исторического христианства почти невозможно решить современные проблемы брака,

семьи, реализовать эмоционально-чувственные, личностные аспекты во взаимоотношениях полов. Общее мироощущение эпохи необыкновенно точно выразил русский писатель, священник и философ В.П. Свенцицкий: «Жизнь не гармоничный аккорд, а бурный, душу надрывающий диссонанс. Этот диссонанс достигает своей величайшей степени в чувстве любви»³.

Л.П. Карсавин, обратившийся к этой проблематике позднее, в 20-е гг. XX в., предлагает собственное, оригинальное разрешение ключевых антиномий *личное – родовое, телесное – духовное, сакральное – мирское, грех – добродетель*. Он видит в христианстве не монашеский подвиг, не дуализм, а воссоединение и оправдание цельного человека, вобравшего в себя все телесно-природное, физическое начало мира. Его «Noctes Petropolitanae» (1922) – гимн земной любви. Удаление от мира, аскетизм – это путь, отдаляющий от божественного замысла. Миссия духовного начала в человеке – преобразить его грубую материальность, возвысить единство личности над состоянием потенциальности. Поэтому мирская жизнь, брак, семья, любовь – не просто допустимы, а необходимы. Мир светского, профанного, суетного и страстного земного бытия получает оправдание.

Напротив, горделивый дух человека, отринувшего плоть, впадает в односторонность, «стыдно ему, когда, позабыв свою цель, пренебрегши полнотою Любви, в которой должен он жить, забывает он о царственном положении своем и равнодушно глядит на «безумные» стремления тела своего... Тело само не знает, что творит. Оно безвинно; оно в себе самом хорошо и прекрасно. Но тело не полно, не совершенно, отрываясь от единства...»⁴ Преодоление дуализма духовного и телесного в построениях мыслителя идет не за счет заземления духовного, а через религиозно-философское осмысление и оправдание природы человека, цельности всех природных, социальных, духовно-психологических и космических процессов во Всеединстве. Любовь в концепции Л.П. Карсавина предстает как «полное, совершенное, истинное бытие, и нет бытия вне Любви. И мы сами есть лишь постольку, поскольку причастны мы ей»⁵.

Христианский постулат о том, что любовь – не только индивидуальное чувство, но онтологический принцип, лежащий в основе мироздания, получает у Л.П. Карсавина новое, оригинальное обоснование. Развивая традиции философии всеединства, он обогащает понимание космической природы человека идеей универсальности личностного начала. Личность, а не София определяет у Л.П. Карсавина актуализацию всеединства в тварном мире. «Единый в своем времени и пространстве мир» выступает как «единство множества симфонических личностей разных порядков, а в них и личностей индивидуальных. Он похож на пасхальное яйцо, состоящее из многих включенных друг в друга яиц, которым еще так недавно играли наши

дети. Наш мир уже не может быть без личного бытия, ибо оно в нем уже есть»⁶. Взаимодействуя с миром на разных уровнях — от физиологического до социального и познавательного, человек выступает как часть некоего сложного и подвижного единства.

Не декларативно ли звучит утверждение личностного бытия в этом всеедином мире? Н.А. Бердяев в теории симфонической личности Л.П. Карсавина видел «метафизическое обоснование рабства человека»⁷. С.С. Хоружий подчеркивает ее жесткий социоцентризм, примат коллективного над индивидуальным⁸. И.И. Евлампиев же считает некорректным говорить об имперсонализме Л.П. Карсавина, акцентируя в его теории «сущностное равенство симфонической личности и личности отдельного человека»⁹. Л.П. Карсавина пристально, даже болезненно занимает тема личности, ее свободы и смысла бытия. Но его философские построения, с точки зрения персонализма, как европейского, так и русского, действительно весьма уязвимы.

Структура человеческой личности в концепции Л.П. Карсавина включает в себя тело «биологическое», «собственно-индивидуальное» и «внешнее тело личности», являющееся уже частью симфонической личности. Таким образом, снимается оппозиция *живое — неживое, личное — общественное, духовное — телесное*. В рамках человеческой судьбы снимается и оппозиция *прошлое — будущее, детство — старость*. Абсурдность бытия отдельной личности, трагедия одиночества, прижизненного страдания и даже неизбежной смертности, таким образом, преодолеваются. Трагический разлад идеала и действительности, такой мучительный для творческой элиты Серебряного века, в данной интерпретации предстает иллюзорным.

Это тем более странно, поскольку как историк Л.П. Карсавин настаивает на ценностном отношении и к реалиям практической жизни, и к проблемам гуманитарного знания. Но аксиология для него — проявление не субъективного, а абсолютного начала. Оно лишь проявляется всегда в индивидуализированном, личностно окрашенном плане. Человечество мыслится Л.П. Карсавину как индивидуализация абсолютного субъекта. А посему отдельные моменты исторического процесса рассматриваются в его «Философии истории» как равноценные, но в итоге неизбежно приближающие к абсолютному, всеединому началу¹⁰.

Страсти и грехи, сопутствующие земной жизни и любви, также переосмысляются в контексте философии всеединства. «Saligia, или весьма краткое и душеполезное размышление о боге, мире, человеке и семи смертных грехах» Л.П. Карсавина, несмотря на традиционную форму, содержит весьма смелые идеи. Разного рода конфликты, пронизывающие не только межличностные, но и социальные, и природные пласты земной жизни, снимаются. Фактически они и не существуют, рассматриваясь в данной концепции лишь как затянутые

моменты бытия всеединства, тогда как «истинное бытие в единстве смерти и жизни, уничтожения и созидания, наслаждения и страдания и... несчастье мира в разъединенности всего этого, вызванной медлительностью круговорота»¹¹. Столкновение целей и интересов, воля и своеволие — лишь видимость. Мир человеческих эмоций, страстей, пороков и добродетелей получает оправдание как моменты единства, лишь ошибочно приобретшие самодостаточность. Их развитие, независимо от этического содержания, неизбежно ведет личность к осуществлению единства. Эгоистический индивидуализм, гедонизм, раздробленность и распушенность человечества — закономерный момент развития всеединства. «Чем... отличается разврат от наслаждения», — размышляет философ, и отвечает: «... потерю целостности наслаждения... сосредоточением на частичках и минутках... расчлениением и раздроблением единого...»¹²

Любовь предполагает и самоотречение, и насилие, и растворение — умирание. Рассуждая в «Noctes Petropolitanae» о «карамазовской любви», Л.П. Карсавин приходит к парадоксальному заключению: «Есть своя правда и в рабовладении и в рабствовании, хотя и бытие ущербное, ограниченное. И то и другое, как бы два разъединившихся лика Любви, живых в ее единстве»¹³. Более того, эта «жажда господствования и убийства есть во всякой любви; без нее, без борьбы двоих не на жизнь, а на смерть любить нельзя», по мнению Л.П. Карсавина, «само стремление господствовать и насильничать, причинить смерть естественно и необходимо в любви, как неполное ее, ограниченное выражение»¹⁴. Греховное начало должно полностью реализоваться, чтобы само себя уничтожить и стать добродетелью. Корни этой диалектики гораздо глубже традиции немецкой классической философии. В таком стремлении к уподоблению страдающему Христу, равенству в греховности и возвышении через нее исследователи видят влияние средневековых мистиков, чье творчество изучал Л.П. Карсавин¹⁵. В глубинном слиянии и отождествлении палача и жертвы, погружении в тайны подсознания вполне возможно усмотреть и косвенное влияние популярного в те годы фрейдизма.

Но было бы неправильно рассматривать проблематику индивидуальной любви в творчестве Л.П. Карсавина лишь как часть европейского религиозно-культурного ландшафта. Напряженный интерес к парадоксам человеческой природы, к осмыслению зла, царящего в мире, психологизм и глубинная религиозность в сочетании с интеллектуальной смелостью — это черты, сформированные отечественной религиозно-философской и литературной традицией. Наиболее ярко они проявились в творчестве Ф.М. Достоевского, к произведениям которого часто напрямую апеллирует Л.П. Карсавин. Именно они во многом определили духовные искания, проблематику и атмосферу русского Серебряного века.

Для понимания культурного контекста интересно вспомнить и развившееся на российской почве своеобразное течение философского или мистического анархизма. Оно провозглашало задачу «освобождения индивидуума от власти над ним не только внешних форм государства и общественности, но и всех обязательных норм вообще — моральных и религиозных»¹⁶. Широкий спектр представителей творческой элиты начала XX столетия, стоящих на совершенно разных идейных позициях (Л. Шестова, Г. Чулкова, М. Горького, А. Амфитеатрова, Л. Андреева) действительно «объединяло общее стремление к всестороннему и глубокому познанию человека»¹⁷. Пересмотру подвергались не только традиционные религиозные ценности. Творцы Серебряного века ищут пути создания нового человека и нового мира на основе начал высшей духовности.

Проблемы бессознательного, телесности и чувственности Л.П. Карсавин облекает в религиозно-философскую форму. Тем не менее его трактовка этических проблем потенциально оказывалась чревата размыванием базовых ценностей и имморализмом. Для самого же мыслителя было чрезвычайно важно остаться в рамках православия. Несмотря на всю ортодоксальность Русской православной церкви, такая возможность теоретически существовала. Восточная церковь разграничивает в Откровении сферу непостижимого и доступного человеческому пониманию, допускает частные богословские мнения по вопросам не до конца разъясненным на Вселенских Соборах, подчеркивает необходимость «раскрытия» догматов перед верующими, в том числе и с помощью разума. Догматы о Троице, боговоплощении, искуплении, богочеловеческой природе Христа, эсхатология и социология получают у Л.П. Карсавина совершенно новое антропологическое обоснование.

Наиболее интересна для понимания взглядов мыслителя на христианский брак и семью его трактовка догмата о Троице. В малой семье философ видит земное воплощение модели божественного универсума. В отношениях лиц внутри семьи он усматривает аналогию с загадочными отношениями лиц божественной Троицы, «из коих один по преимуществу соответствует определенному первоединству, другой — разъединяющемуся и третий воссоединяющемуся»¹⁸. Это, по мнению Л.П. Карсавина, «и будет семьею: матерью, которая соответствует определенному первоединству («Отцу» в Божьем Троиединстве), отцом, который соответствует разъединяющему и разъединяющемуся единству («Сыну» в Пресв<ятой> Троице), и дитятею, которое их воссоединяет и в котором они воссоединяются. И тогда семья уяснится, как основание человеческого-личного бытия. Семья — тварный образ Божьего Троиединства»¹⁹. Тварностью семьи объясняет Карсавин то, что первоединство в ней — не отец, а мать, так как тварь по отношению к Богу — начало пассивное.

Таким образом, в трактовке женской природы Л.П. Карсавин остается в рамках традиции, присущей в целом религиозной философии Серебряного века: концепты вечной женственности, андрогинности, метафизика любви, акцентирование пассивного, полового, тварного начала как собственно женского. Влияние гегелевской диалектики также просматривается в этих построениях весьма заметно. Но говорить с веком языком века призвал русских религиозных философов еще И.В. Киреевский. Л.П. Карсавин соединяет строгий язык богослова и философа с интеллектуальной и нравственной смелостью века авангарда.

На творчество Л.П. Карсавина редко обращают внимание в связи с разработкой новой православной сотериологии. Он не был облечен саном, не получил признания богословов и идеологов церкви. Но в его сочинениях ставилась чрезвычайно актуальная для христиан дилемма: спасение в миру, социальное делание или удаление от мира, аскеза? Симфоническая личность у Л.П. Карсавина включает всю структуру социальных связей — от семьи до нации и человечества как Адама Кадмона. Так причудливо смыкаются социология и богословие. Поэтому и семья у Л.П. Карсавина не просто допустима, но необходима с точки зрения христианского учения о спасении. В ней индивид обретает возможность реализации своего личностного начала и обретения себя в новой «целокупной» тройственной личности. Но в силу общей «медлительности» и «разорванности» круговорота бытия эта возможность не была реализована, не привела к осуществлению единства.

Историк и философ, Л.П. Карсавин понимает сложность соглашения своих построений относительно семьи как симфонической личности с реалиями жизни и последними данными «позитивной науки». Он предпринимает анализ различных исторически сложившихся форм семьи и брака. Философ приходит к неутешительному выводу: ни древняя полигамия, ни романтическая любовь не смогли преодолеть разъединенность «духовной дружбы» и «плотского союза». Но и просвещенная современность, по мнению Л.П. Карсавина, смогла предложить лишь основанный на рассудке и расчете буржуазный брак. В нем есть место житейской привязанности и дружбе, «грезе любви», но любовь в карсавинском, онтологическом, смысле присутствует там лишь в малой степени. Не только личный трагический опыт, но опыт человечества приводит мыслителя к грустному выводу относительно современного брака: «Не достигает в нем расцвета личность, передавая не выполненную ею задачу потомству. Сумерки неведения и серая мгла безжизненности лежат на таком браке. В этих сумерках, в этой мгле вырастают тысячи поколений, поднимаясь над животностью — не достигая человечности»²⁰.

В истории культуры Л.П. Карсавин видит лишь не осуществленную, не завершенную тенденцию к раскрытию личности в индивидуальной любви, гармонично сочетающей телесное и духовное. Обретение любви истинной, построение на этой основе истинной семьи, для мыслителя выступает одним из необходимых условий реализации личностного начала и, в конечном счете, божественного замысла о мире.

Эта философская рефлексия только на первый взгляд может быть принята за чисто академические изыскания. Драматичный личный опыт буквально пронизывает его тексты, в первую очередь — «Noctes Petropolitanae». Слишком заметно здесь трудное переживание собственного счастья и разочарования, краха, вины и оправдания. Заметно страстное желание вырваться за рамки собственной самости, обрести себя в некоем другом «Я», преодолеть разьединенность, разобщенность, трагическую инаковость, сохранив личность. Свойственный эпохе модерна культ свободы в творческой, социальной, частной жизни, право на моральное падение и тяга к духовному абсолюту, возрождению и очищению — все это определяет мировосприятие Л.П. Карсавина.

Фактически его построения представляют собой религиозно-философский синтез, очень далеко отстоящий от ортодоксально-церковного понимания любви, семьи и брака. Он ищет возможность адаптации христианского вероучения к новой социокультурной ситуации. Его творчество весьма противоречиво. Будучи верующим христианином, он, по сути, отказывается от традиционной для церкви трактовки таких базовых понятий, как грех и добродетель. Утверждая любовь как основание жизни, он приходит к апологии смерти как преодоления раздробленности и пути к всеединству. Провозглашая семью тварным образом триединства, он не находит в истории ни одного примера его реализации. Критикуя все известные формы брака, он приходит к аморализму, допуская любые формы насилия. Утверждая в качестве высшей цели полное раскрытие и свободу личности, он растворяет ее в личности симфонической.

Такая нелогичность и даже парадоксальность не обесценивает опыт Л.П. Карсавина в осмыслении метафизики пола и построении новой религиозной антропологии. Разве не парадоксален сам человек? Возможно ли вообще привести к логически стройной системе мир человеческих страстей, эмоций, влечений? Можно ли в эпоху индивидуализма реализовать человеческую потребность не просто в коммуникации, а «со-единении» с Другим? Следует ли для этого изживать из своей природы все «слишком человеческое»? Поставленные мыслителем вопросы и сегодня сохраняют свою актуальность, а искренность, глубина и оригинальность предложенных ответов — свою притягательность.

Творчество Л.П. Карсавина несводимо к какой-либо одной традиции: религиозной, интеллектуальной, культурной. Но в этом — скорее преимущество его позиции. Будучи внутренне свободным, он осмысляет и переплавляет самый разнородный опыт, экзистенциально переживает его. Рефлексивность, глубокая интравертность, психологизм на грани с натурализмом, все это также не может не притягивать читателя, успевшего сжиться с эстетикой постмодерна. Установка мыслителя на равнозначность и равноценность этого самого разного культурного и индивидуального опыта сегодня уже мало кого шокирует. Но Л.П. Карсавин далек от постмодернистской игры, для него все серьезно. Может быть, именно этого и не хватает нам сегодня?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н.А. Христос и мир. Ответ Розанову // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах (1907 – 1917). – М.: Русский путь, 2009. С. 189.

² См.: Свенцицкий В.П. Мировое значение аскетического христианства; Бердяев Н.А. Христос и мир. Ответ Розанову // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах (1907 – 1917); Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Т. 1. – М.: Мысль, 1988.

³ Свенцицкий В.П. Мировое значение аскетического христианства. С. 266.

⁴ Карсавин Л.П. *Nostes Petropolitanae* // Карсавин Л. Путь православия. – М.: Фолио, 2003. С. 97.

⁵ Там же. С.131.

⁶ Карсавин Л.П. О личности // Там же. С. 318.

⁷ Цит по: Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб.: Алетейя, 1994. С. 156.

⁸ Там же.

⁹ Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX – XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. В 2 ч. Ч. II. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 196.

¹⁰ См.: Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб.: Комплект, 1993.

¹¹ Карсавин Л.П. *Saligia*, или весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке и семи смертных грехах // Путь православия. С. 65.

¹² Там же. С. 53.

¹³ Карсавин Л.П. *Noctes Petropolitanae* // Там же. С. 91.

¹⁴ Там же. С. 89 – 90.

¹⁵ Николов П.О. Метафизика и жизнь в творчестве Л.П. Карсавина // Там же. С. 8 – 9.

¹⁶ Чулков Г. О мистическом анархизме / цит. по: Пархоменко Т.А. Православие и интеллектуальная элита России XIX – XX вв. // Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX – XX вв. / под ред. Т.А. Пархоменко. – М.: РОССПЭН, 2012. С. 115.

¹⁷ Пархоменко Т.А. Православие и интеллектуальная элита России XIX – XX вв. // Там же. С. 115.

¹⁸ Карсавин Л.П. О личности // Карсавин Л. Путь православия. С. 283.

¹⁹ Там же.

²⁰ Карсавин Л.П. Noctes Petropolitanae // Там же. С. 113.

REFERENCES

Berdyaev N.A. Christos i mir. Otvet Rozanovy // Religiosno-filosofskie sobrania v Sankt Peterburge (Petrograd). Istoriya v materialax i documentax (1907 – 1917). Moskva, 2009.

Karsavin L.P. Noctes petropolitanae // *Karsavin L.* Pyt' pravoslaviya. Moskva, 2003.

Karsavin L.P. O lichnosty // *Karsavin L.* Pyt' pravoslaviya. Moskva, 2003.

Khoruzhiy S.S. Posle pereryva. Pyti russkoy filosofee. Sankt Peterburg, 1994.

Evlampievs I.I. Iistoriya Russkoy metaphysici v XIX – XX v. Russiay filosofiy v poiskax absoluta. Sankt-Peterburge, 2000.

Nikolov P.O. Metaphysica i zhizn' v tvorchestve L.P. Karsavina // *L. Karsavin.* Pyt' pravoslaviya. Moskva, 2003.

Chulkov G. O misticheskom anarchisme / cit. po: Parkhomenko T.A. Pravoslavie I intellectual'naya elita Russie XIX – XX vv. // Intellectual'naya elita v kontekste Russkoy istorii XIX – XX vv. Pod red. T.A. Parkhomenko. Moskva, 2012.

Parkhomenko T.A. Pravoslavie i intellectual'naya elita Russie XIX – XX v. // Intellectual'naya elita v kontekste Russkoy istorii XIX – XX v. Moskva, 2012.

Аннотация

В статье исследуется специфика позиции Л.П. Карсавина по вопросам семьи и брака, ее взаимосвязь с нравственными и религиозно-философскими исканиями русского Серебряного века. Выявляется неоднозначность и противоречивость его религиозной антропологии. Метафизика пола и концепция симфонической личности Л.П. Карсавина анализируются с точки зрения адаптации христианского вероучения к новой социокультурной ситуации.

Ключевые слова: ценности, антропология, личность, семья, брак, интеллигенция, телесность, аскетизм, дуализм, всеединство, религиозная философия.

Summary

The article explores the specific character of L.P. Karsavina position devoted to questions of family and marriage, its interrelation with the moral and religious-philosophical searching of Russian «silver» century. Ambiguity and discrepancy to its religious anthropology is revealed. Metaphysics of sex and gender, the concept of symphonic personality L.P. Karsavina are analyzed from the point of view of the adaptation of Christian dogma in new social and cultural situation.

Keywords: values, anthropology, personality, family, marriage, intelligentsia, corporality, asceticism, dualism, religious philosophy.